"Ты ублюдок, ты грязный, гнилой ублюдок, отвали", - кричала я по телефону своему мужу, который только что признался в очередной "случайной интрижке", на этот раз с двадцатичетырехлетней секретаршей из его компании. Это был уже третий раз, когда я поймала его, и, как говорил Билл Клинтон много лет назад, это были три удара и аут. Я сказал ему, чтобы он не возвращался в дом, и спросил, куда бы он хотел отправить свою одежду.

Бросив мобильник на диван, я положила голову на руки и начала плакать.

"Что случилось, мама?" спросил Питер, мой сын, подойдя и сев рядом со мной.

Всхлипывая, я спросила. "Откуда ты взялась, я думала, ты ушла".

"Я уезжала, но планы сорвались, поэтому я просто вернулась, и, похоже, мне повезло".

"Ничего, не волнуйся", - сказала я довольно нелепо, так как по моему лицу текли слезы.

Он обнял меня и сказал. "Это снова папа, не так ли?".

Я начала отрицать это, но подумала, какого черта, и ответила.

"Да, любимый, это он".

"Что на этот раз, очередная шлюха?"

"О, Питер, не вмешивайся".

"Это не Карла в офисе?"

"Да, откуда ты знаешь?"

"Я видел, как они себя ведут, когда я работал там в праздники, это было отвратительно".

"Все сотрудники знают?"

"Никто мне ничего не сказал, но они бы и не сказали, но я думаю, что большинство знает, что между ними что-то происходит?"

"Тогда еще больший ублюдок делать это так, чтобы они все знали, и выставлять меня как правильную сиську".

"Ну, не уверена насчет просто сиськи, мама", - сказал он, улыбаясь и пытаясь разрядить обстановку, хотя я этого не поняла.

"Что ты имеешь в виду, Питер?"

"Ну, люди смотрят не только на правую, мама".

"Заткнись", - сказала я, почти улыбаясь, когда он пошутил о моей 36-дюймовой груди с чашечкой D, что он начал делать в последние несколько лет.

Моя семья, Джон, мой будущий бывший, Сара, моя восемнадцатилетняя дочь, и Питер, мой двадцатидвухлетний сын, и я имели очень открытые отношения, и с тех пор, когда дети были совсем маленькими, мы затрагивали темы, от которых многие другие родители уклонялись. Таким образом, в шутке о моей груди не было ничего необычного.

"И ты права, мама, он ублюдок, причем правильный ублюдок, и я знаю это уже много лет".

"Ты не должна вставать на мою сторону, любимая, в конце концов, он твой отец".

"Я не обманываю маму, это правда, что он всегда плохо к тебе относился, я знала и видела это так долго".

Некоторое время ничего не было сказано, но вдруг я поняла, что он все еще обнимает меня за плечи, а его рука держит меня чуть выше локтя. Моя голова прижималась к его верхней части груди и плечу, а моя левая грудь - к его нижней. Это было приятно, и я чувствовала себя защищенной, утешенной и успокоенной. Еще одной особенностью нашей семьи было то, что мы всегда были довольно "обидчивыми", поэтому то, что он обнимал меня, не было чем-то необычным.

"Ну ладно", - пробормотала я, начиная двигаться, но он удержал меня.

"Не двигайся, мама, просто успокойся и побудь так некоторое время".

Мне было приятно, когда меня обнимали и утешали после того, как я узнала, что Джон снова мне изменяет. И я поняла, что мне также приятно, что это Питер, мой сын, держит меня, поэтому я осталась на месте и без раздумий положила руку на его ногу чуть выше колена.

За последние несколько лет мы с Питером стали намного ближе. Я понимала, что это соответствовало ухудшению моего брака, и это было почти так, как если бы мой сын заменил своего отца в моих привязанностях и в моей жизни, ну, почти во всей.

Во время его учебы в университете и первого года работы в инвестиционном банке я видела

Питера довольно часто. Он довольно часто приезжал домой после университета, в основном на вечеринки друзей и семьи, на мероприятия футбольного и крикетного клубов, и жил с нами, когда впервые вышел на работу. То, что он был "на подхвате", вызывало у меня самые разные чувства и эмоции. Прямое материнское удовольствие от того, что я вижу много своего сына, которое было естественным и чистым. Но были и неестественные и немного нечистые мысли, когда я представляла нас вместе в ситуациях, в которых матери и сыновья точно не должны находиться. Однако большую часть времени я справлялась с этим, но потом что-то могло спровоцировать меня, возможно, когда я гладила его одежду или убиралась в его комнате, или когда я видела привлекательного молодого человека, когда ходила по магазинам или в спортзал. Тогда у меня появлялись гнусные мысли, которые беспокоили меня и заставляли чувствовать себя виноватой. Оглядываясь назад, я поняла, что они появлялись у меня в основном, когда мы с Джоном были на войне, что случалось все чаще. И, конечно, другие события из прошлого регулярно всплывали в моей памяти.

В тот раз, когда я праздновала свое сорокалетие, Джон подвел меня с ужином в "Ритце". Когда мне позвонили и сказали, что он не сможет прийти, Питер утешил меня до такой степени, что я подумала, что мы поцелуемся, а когда мы ехали домой в машине с шофером, обняв меня, я думала, что он что-нибудь сделает, когда Сара задремлет. Когда мы танцевали на годовщине моей свадьбы, и он обнял меня совершенно не по-сыновьи/матерински, прижав мои груди к своей груди, и я почувствовала движение эрекции; днем, когда он неожиданно вернулся домой, а я лежала топлесс на спине в саду. Я подняла голову, и наши взгляды встретились. Мы оба улыбнулись. Его взгляд остановился на моей груди. Я замерла. Я не знала, что делать. Я наполовину хотела сесть и выставить их напоказ, а потом мне на мгновение показалось, что он собирается сесть на мой лежак, но он довольно криво сказал.

"Прости, мама", и ушел в дом.

Были и другие более мелкие инциденты. Маленькие прикосновения, прикосновения друг к другу, затяжные улыбки, когда я ловила его взгляд на моем топе, на моих ногах или груди, частые кокетливые замечания и двойные намеки.

Несколько раз у меня возникало искушение сделать аванс или, более того, показать, что я не откажу ему в этом, но я боялась отказа и того, что он подумает обо мне, если я все сделаю неправильно. В дополнение к тем случаям, когда я думала, что он может поцеловать меня или сделать что-то, были взгляды и удерживание взгляда друг друга, которые ни к чему не приводили, но должны были что-то значить, и, как я заключила, возможно, означали, что он чувствует то же самое, что и я: боится, беспокоится об отказе и интересуется, как я себя чувствую. В другие моменты, а таких было большинство, я выбрасывала все подобные мысли из головы и приходила к выводу, что я просто глупо себя веду. Такие вещи редко случаются в реальной жизни, заключил я. Но потом я начала изучать вопрос о матерях и сыновьях, и то, что я нашла в Интернете, поразило меня. Похоже, что незначительное большинство матерей в Великобритании действительно испытывают сексуальные мысли и чувства по отношению к своим сыновьям, а около 10 % из них в той или иной форме вступают в интимные отношения. Это может быть что угодно - от нетерпеливого поцелуя или ласки до проникающего секса. Имеется мало данных о том, какая доля действительно идет до конца, в основном потому, что это преступление, но считается, что это, вероятно, от 0,1 до 0,2%, то есть около 1000 человек в год.

"Так что ты собираешься делать, мама?" - спросил он неожиданно.

Сначала я не поняла, что он имеет в виду. Я была в замешательстве от того, что произошло по телефону с Джоном, и от того, что происходило сейчас с ним. Но что происходило, действительно ли что-то происходило? Потом до меня дошло.

"Это последняя капля, он достаточно оскорбил меня и выставил меня в глупом свете перед всей компанией".

"И что это значит?" - спросил он, сжимая меня крепче, его пальцы скользнули дальше по передней части моей руки, так что их кончики коснулись внешней стороны моей груди. Это вызвало во мне дрожь.

"Я выгоню его и разведусь".

"Отлично, молодец, мама", - сказал он с радостным голосом и поцеловал меня в макушку. "Мы думали, что ты должна была сделать это давным-давно".

"Мы?"

"Да, ты и я, мы разговариваем, ты знаешь, и мы заботимся о тебе".

Я подняла голову и посмотрела ему в глаза.

"Я помогу тебе, мама, убедиться, что ты получишь все, на что имеешь право".

"Спасибо, любимая".

"И проследи, чтобы тебя не кинули".

"Хорошо."

"Ну, по крайней мере, он", - улыбнулся он, заставив меня задуматься, что у него на уме, поскольку в то же время внешняя сторона его пальцев все сильнее вдавливалась во внешнюю сторону моей груди.

"Сейчас, сейчас, я не такая, как он, с кусочками по бокам".

"Возможно, это то, что тебе нужно, мама".

"Что?"

"Кто-то на стороне, чтобы...", - сказал он, оставив последнюю фразу без ответа.

"Я так не думаю, я могу отказаться от мужчин".

"Ты идешь в другую сторону?" - улыбнулся он.

"Нет, конечно, нет".

"В любом случае, я всегда был у тебя, не так ли?" - тихо сказал он.

"Да, любимый", - пробормотала я, чувствуя, как меня пронзает волна возбуждения, и гадая, был ли это двойной намек или что-то более провокационное.

Оно было сильнее, чем обычно, намного сильнее, но потом я решила, что нахожусь в его объятиях и прижимаюсь к нему, моя левая грудь прижата к его груди, а пальцы его правой руки зажаты между моей рукой и внешней стороной моей правой груди. Хотя мы обнимались, и он держал меня так раньше, никогда, или так мне казалось в тот момент, это не было так интимно и, возможно, так провокационно, как сейчас. Или это было провокацией? Было ли в этом что-то еще, что-то большее, чем просто его утешение и успокоение? Чувствовал ли он то же, что и я? Я понятия не имела.

Мне удалось вывести себя из состояния транса, в котором я находился.

"Давай выпьем, Питер".

"Конечно, что тебе принести? Может быть, шампанского, чтобы отпраздновать".

"Что отпраздновать?"

"Ну, возможно, нас".

"Нас, что ты имеешь в виду?"

"Ну, мы теперь новая команда, не так ли?"

"Как?" спросил я, гадая, что он имеет в виду, но полный любопытства, что бы это могло быть.

"Бороться с ним, помочь тебе разобраться с мамой, конечно, что еще?" сказал он довольно

легкомысленно, вставая и уходя на кухню.

Встав, я посмотрела на себя в зеркало, распушила свои вьющиеся светлые волосы и поправила очки. Я увидела, что моя синяя джинсовая юбка в обтяжку задралась на голых ногах, а одна из бретелек шириной в два дюйма на сине-белом топе без рукавов с обручем сползла вниз по руке, показывая, что на мне нет бюстгальтера, что я часто делаю, когда остаюсь дома одна, как я и предполагала в этот вечер. Это такое приятное ощущение - быть без лифчика, когда у тебя довольно полная грудь и твой вес немного колеблется, как у меня, что означает, что в некоторых случаях, по крайней мере, большинство бюстгальтеров оказываются малы, а бретельки и нижняя часть впиваются в меня.

"Вот, выпейте это", - сказал он, протягивая мне бокал "Совиньон Блан" и ставя бутылку в холодильник на низком стеклянном столике перед диваном. Он сел рядом со мной, очень близко, потягивая "Перони" из бутылки. "Чувствуешь себя лучше?" - спросил он.

"О, не знаю", - пробормотал я.

"Посмотри на это с другой стороны, это должно было произойти в течение некоторого времени, не так ли?".

"Почему ты так говоришь?"

http://tl.rulate.ru/book/1022/25705